

Мастер

Вчера Н.А.Бровкину исполнилось бы сто лет

Много это или мало? С точки зрения истории - миг, а с точки зрения человека - целая вечность.

Но память говорит другое - это было как будто вчера!

Вот он стоит перед нами, застенчиво улыбаясь, а глаза светятся какой-то удивительной, почти детской, добротой... Помню этот снимок - ему 60, отмечали мы его юбилей в кафе «Встреча», что на углу Кутузова-Курако (знаменитое сочетание, в чем-то символичное). Николай Александрович улыбался, сидя в кресле, такой же мудрый, как Кутузов, и такой же (все еще!) целеустремленный, как Курако... Люди из разных веков, но в чем-то сродни! Это так - к слову.

Ну вот, он улыбается, а мы (тогда еще молодежь зеленая) сочиняем ему свои нескладушки, немудреные вирши читаем, словом, поем Славу Зодчему во веки веков!..

40 лет с тех пор минуло (шутка сказать!), а было как будто вчера. Вот и пойдешь разберись: жизнь человеческая - миг или Вечность? «Се ля ви», как говорят французы. И мне уже пора подводить черту, а вроде еще и не жил...

Но, позвольте, почему в 60 человека, умудренного жизнью, принято списывать и отправлять на покой?

Профессионал только рождается в 60!

Известный советский архитектор Власов как-то сказал (почти дословно): «Архитектор в 30 лет - еще молодой специалист, в 40 он познает азы архитектуры, в 50 становится Мастером и лишь в 60 начинает творить легко и свободно»... Мы тогда (на его 60-летнем юбилее) еще не знали, что Николай Александрович задумал уходить... А на другой день он приходит ко мне, тихонечко садится и как-то, вроде виновато, улыбаясь, говорит, что собрался на пенсию, что пора и честь знать, что, как в песне поется - «Молодым везде у нас дорога...» И т. д. и т. п...

Я слушаю и пытаюсь его отговорить, что, мол, надо еще генплан города сделать, а уж тогда... Он молча положил мне на стол ТЭО генплана,

где были изложены все его мысли о развитии города, и сказал, что молодежь (а она была у нас талантливая) нарисует генплан лучше него...

А потом мы всем миром провожали его на эту самую пенсию. Грустные эти проводы бывают (знаю по себе), он не любил «помпы», громких слов, только тихо, как всегда, улыбался, как будто виноват был в чем-то.

Вот такой он был светлый Человек. Потом часто приходил, как будто присматривался к чему-то, чаще молчал, думал, наверное, как мы тут без него управляемся с этой самой Архитектурой...

Увлёкся фотографией, цветными слайдами (тогда это было в новинку). Встретить его с камерой можно было в самых неожиданных местах и всюду тихонечко «на своих двоих» - пешочком. Принесет свои работы, установит проекционный аппарат и на стенке (вместо экрана) покажет,

тихо улыбается - любит своим городом, метко комментирует удачные или неудачные места...

В 60-х годах уже всю свирепствовало печально-знаменитое «хрущевское» постановление «Об излишествах в архитектуре» (слово-то какое выдумали!). Сборная железобетонная панельная «архитектура», казалось, заполонила весь Союз. И не было, казалось, от нее спасения. Города стали, как близнецы-братья - серые и панельные. Остановить этот вал было невозможно. Но мы стояли «на смерть». Именно в этот период (в 1963 году) был, например, построен великолепный театр им. С.Орджоникидзе, а чуть раньше - лучший в Сибири Дворец культуры алюминиевого завода... Наша задача была в то жестокое время для архитектуры - не дать испортить город. Может быть, больше всех переживал за «типовуху» Николай Александрович Бровкин. Ведь его одно из лучших творе-

ний - северный отрезок проспекта Metallургов «собран», казалось бы, тоже из типовых домов, но какой удивительно цельный и великолепный получился архитектурный ансамбль! Такое мог сделать только Мастер!..

Читаю автобиографию Николая Александровича, написанную им в 1955 году и любезно предоставленную отделом кадров КМК (солидные предприятия вечно хранят личные дела своих работников!): «Родился в мае 1901 года. В селе Тальменском (на Алтае). Отец - служащий из крестьян, сельский фельдшер. Мать - сельская учительница...» Учился в сельской приходской школе, потом в реальном училище в Новониколаевске (Новосибирск), потом в Барнауле и, наконец, в Томске. С 1919 года служил в армии (еще царской!) простым солдатом вплоть до прихода Красной Армии. Потом работал на строительстве железной дороги в Кольчугино (ныне

Ленинск-Кузнецкий). С 1922 года стал солдатом Красной Армии. Потом опять учеба, потом Кузнецкстрой... Автобиография кончается, как было положено в те времена: «Никто из родственников судимости не подвергался, избирательных прав не лишался и за границей не был». И подпись.

Рядовой солдат Бровкин... Он всю жизнь был рядовым. Никогда не рвался на разные там должности. Скромно, тихо (но мастерски!) делал свою работу. Плохо делать не умел. Громкой славой не любил, просто честно служил Родине, родному комбинату и городу. О себе как-то не думал. Женился поздно, в 47 лет, воспитал сына, жил скромно, много работал.

В нем была какая-то скрытая крестьянская сила. Работа была его жизнью. Без работы он как-то увядал, мучился, искал успокоения в творчестве, рисовал, участвовал в архитектурных конкурсах, например, на Дворец Советов в Москве (интересный проект, между прочим, свой взгляд на проблему, много лет будоражившую известных архитекторов страны).

Его все любили, называли ласково - Коля, несмотря на то, что он был самый старший. Говорил тихо, почти ласково, никогда не повышал голоса, не ругался, не пил, не курил. Проектировал и строил красивые здания и жизнь прожил простую и красивую. Его лучшие творения у всех на глазах. Это память о Мастере и подарок городу от Мастера! И в честь 100-летия зодчего хотелось бы не только мемориальные доски поставить на его домах, но и памятник достойный воздвигнуть, ведь он - первый зодчий, целиком отдавший свою жизнь родному городу!

Евгений Авдеев, бывший главный архитектор института «Кузбассгражданпроект».